

Председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан, муфтий Камиль-хазрат Самигуллин рассказал о ситуации в мусульманском сообществе и о том, что в ближайшее время в системе исламского религиозного образования в республике грядут серьёзные реформы.

— Сейчас проходит месяц Рамазан, мусульмане держат уразу. Камиль-хазрат, с какими трудностями верующие больше всего сталкиваются и обращаются к Вам за разъяснениями?

— Ко мне больше всего обращаются, чтобы позвать на ифтар. Есть те люди, которые начали впервые держать уразу. У них возникают трудности. Они мне говорят, что в Татарстане постятся 19 часов, а в других мусульманских странах – меньше.

— На самом деле меньше?

— Я бы не сказал, что совсем меньше. У меня есть канал, прямой эфир, который показывает Мекку. На канале можно посмотреть и Запретную мечеть. По нашему времени их вечерний намаз начинается где-то в 20:00. То есть всего полтора часа разницы с длительностью поста в наших широтах. — **Всё равно держать Уразу в такое время – дело непростое...**

— Говорят в этом есть некая справедливость. Сейчас ураза выпадает на лето и пост идёт 19 часов. Но через 10 лет Ураза выпадет на зимнее время, тогда пост будет длиться 7-8 часов. Каждый год ураза сдвигается на 11 дней. То есть мы иногда очень много держим пост, иногда очень мало.

— Как человек меняется в месяц Рамазан?

— Ураза воспитывает человека и его эго. Он начинает понимать состояние бедных людей, начинает ценить кусочек хлеба и ощущать его вкус. Ураза – очень важный

институт в жизни человека.

— Есть ли какая-либо группа людей, которым нельзя держать Уразу или которые имеют право не поститься?

— Ислам четко прописывает, кто может не держать Уразу. Например, это путники – те, кто вышли в путь куда-либо. Это кормящие матери и беременные женщины. Затем это люди, у которых есть болезни. Их лечащие врачи подтверждают, что пост только навредит их здоровью.

— Муфтият в месяц Рамазан реализует проект "Мы делаем мир лучше". В чём сущность проекта?

— Месяц Рамазан – это султан всех 12 месяцев. Это особый месяц, который упоминается в Коране под своим названием. Это месяц, когда человек более близок к поклонению и уподобляется ангелам. Потому что он не ест, не пьёт, не имеет интимных отношений со своей женой в дневное время суток. Он приближается к ангельскому началу и начинает думать о возвышенном. В Рамазан наши награды перед Всевышним увеличиваются многократно. В обычный день мы за благое дело можем получить 10 наград, а в этот месяц это может стоить 700-1000 наград только за одно дело.

— Особое внимание обращает на себя само название проекта. Разве кто-то ставит под сомнение, что в Рамазан нужно делать добрые дела? Ведь это понятно даже ребёнку.

— Для нас важно намерения человека, ибо он получает воздаяние по ним. Ни у каждого человека есть желание сделать что-то хорошее для другого. Наше название – это такой лозунг. Не все же живут идеалами: "Я хочу принести пользу другим людям". Если было бы так, то был бы рай на Земле. Мы этим лозунгом побуждаем человека: "

Посмотри, сейчас месяц Рамазан, ты должен подумать, что ты сделал ради Господа сегодня, кому ты принёс пользу

". Важно приучать людей делать добро.

— Многие мои друзья и знакомые пытаются делать хорошие дела и помогать другим людям, но у них что-то не получается, они где-то ошибаются. Это приводит к нехорошим результатам, которые, в принципе, можно назвать злом.

— Самое главное – это намерение. Это не значит, что ты сможешь сделать мир лучше. Человек должен пожелать и попытаться это сделать. Расскажу это на примере одной притчи.

Когда пророк Ибрахим был брошен в костёр, один муравей носил воду, чтобы потушить огонь. Ему было сказано: "Что ты сможешь сделать?". Муравей ответил: "Не важно, что я

сделаю. Для меня важно, что с меня спросит Господь. Я искренне пытался потушить, я внёс свою лепту

". Если каждый будет думать так, то мир, конечно же, изменится.

— Правильно ли я вас понял, что главное – это человеческое намерение и лишь затем идут дела?

— Да.

— Буквально недавно Апанаевская мечеть перешла в собственность муфтията. В чём значимость этого события для Вас?

— Это начало великого процесса, когда государство передаёт религиозную собственность обратно религиозным организациям. У нас в стране, когда был Советский Союз, было 70 лет неверия. Тогда ведь религия вообще была запрещена. А это событие показывает, что если религия и отделена от государства, то она не отделена от общества. Всегда приятно иметь эту собственность, так как ты знаешь, что она не уйдёт от тебя, что никто не будет использовать неправильно мечеть. Раньше же из мечетей делали садики, общежития, клубы.

До этого Апанаевская мечеть была федеральной собственностью, потому что считается историческим объектом. Однако мечети и так принадлежат мусульманским общинам.

— Апанаевская мечеть была открыта в 2010 году. В его восстановлении активную роль играл Валиулла-хазрат Якупов. Но передана была она только в этом году. С чем это связано?

— Это длительный процесс. Мы рады, что на таком уровне и так помпезно прошла передача мечети.

— Какое сегодня отношение муфтията к интеллектуальному наследию Валиуллы Якупова?

— Сегодня продолжает работать его издательство "Иман" - печатаются книги. Тот календарь, который начал выпускать Валиулла-хазрат, вышел и на 2015 год. Он заложил огромный потенциал в издательство. Было накоплено огромное количество книг, и они потихоньку все перепечатываются.

19 июля исполнится два года, как он ушёл из жизни. Тогда будет проведён Ифтар – соберётся меджлис в память Валиуллы-хазрата. Якуповские чтения проходят ежегодно, в сентябре, когда у него день рождения.

— Интеллектуальное наследие Валиуллы-хазрата интересно ещё тем, что он боролся на идеологическом уровне с ваххабизмом. Как муфтият относится к такой составляющей его наследия?

— Сегодня можно сказать, что слава Аллаху, в Татарстане подавляющее большинство тех, кто следует традиционному Исламу, то есть являются ханафитами по мазхабу и матуридитами по вероубеждению. Большая заслуга в этом есть Валиуллы-хазрата.

- Что скажете о Ваших личных взаимоотношениях с предшественными муфтиями – Гусманом-хазрат Исхаковым и Ильдусом-хазрат Файзовым?

— У нас хорошие отношения со всеми муфтиями. И с Абдулой-хазрат Галиуллиным - он был самым первым муфтием Татарстана. 17 апреля, когда была годовщина избрания меня муфтием, мы собрались с предыдущими муфтиями. Мы вообще всегда на связи. Встречаемся на ифтахрах.

— А что вы вместе обсуждаете? Какие политические, общественные, экономические или религиозные вопросы?

— Мы не политики, чтобы обсуждать политические вопросы. В основном у нас бывают вопросы, касающиеся религии. В частности, мне интересно бывает, как бы поступил в той или иной ситуации один из них. Когда слышишь разные мнения, то можешь натолкнуться на замечательные мысли.

— Буквально недавно наш Болгарский заповедник включили в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Какую роль сыграл муфтият в этом событии?

- Когда приезжали эксперты ЮНЕСКО, один из них оказался гражданином Бахрейна. Его звали Мухаммад Зикри. Он пришёл ко мне в мечеть, мы с ним более двух часов общались. У него были некие сомнения. Он как молящийся человек очень переживал и пришёл со мной пообщаться как с муфтием.

— О чём Вы с ним говорили?

— Он задавал различные вопросы. Говорил, что слышал, что в Болгаре что-то так делают, что-то этак делают. В общем, у него были очень сильные сомнения. Я опроверг все слухи. Он у меня спросил о целесообразности включения Болгара в список

ЮНЕСКО. Я конечно же сказал, что включать нужно непременно. Для нас это место не то, чтобы святое. Оно для нас очень важное с исторической точки зрения. Важное для каждого мусульманина-татарина.

— *Какая деятельность муфтията сегодня развёрнута в Болгаре?*

— В Ак мечети от нас постоянно работает имам. В Болгаре мы также ежегодно проводим федеральный маулид – праздник дня рождения Пророка Мухаммада. В прошлом году практически все муфтии России были там. Наш президент [Рустам Минниханов] и первый президент [Минтимер Шаймиев] были тоже. В этом году мы всё продолжим. Недавно прошёл конкурс среди детей по чтению Корана. Там размещаются наши детские лагеря.

— *На каких ближайших задачах, целях и проблемах сконцентрирует свою деятельность муфтият в Татарстане и не только в обозримом будущем?*

— Мы не делаем секретов из того, что этот год объявили годом возрождения религиозных традиций. В каждом районе Татарстана есть своя изюминка, есть некое своё понимание обрядовой стороны. Поэтому мы захотели прийти к некоему стандарту. В этом году этот стандарт разрабатывается; и в плане поклонения в том числе. Это всё транслируется через журнал "Шура".

Также в образовательной системе мы приходим к единому стандарту. Во всех медресе будет одна программа. Если раньше каждое медресе формировалось само по себе, то сейчас такого не будет. Будет выстроена жёсткая трёхступенчатая система образования: начальная, средняя и высшая. Высшая — это [Российский исламский университет](#). Мы надеемся, что будем открывать магистратуру. В будущем у нас уже будут появляться свои доктора, в том числе доктора по шариатскому праву, доктора по теологии. Можно будет даже защищаться в Татарстане, не выезжая куда-либо за границу.

— *Почему происходит стандартизация системы образования?*

— Как говорится, нельзя жить в анархии, везде должен быть порядок (смеётся). Это нам нужно для того, чтобы улучшить качество образования. Примечательно то, что наша система образования будет зиждиться на фундаментальных книгах татарских учёных и богословов, которые печатались до революции 1917 года.

— *То есть, нынешнее состояние системы образования не удовлетворяет муфтият?*

— Она различается внутри. У нас девять медресе. У каждого медресе есть своя изюминка. Где-то один предмет преподаётся лучше, где-то - другой. Например, в [медре](#)

се "Мухаммадия"

прекрасно преподаётся арабский язык, но, к сожалению, в другом медресе арабский язык может страдать. Поэтому мы хотим всё привести к некому стандарту, чтобы после медресе человек мог поступать в университет на определённый курс, дабы продолжить своё образования. Это нужно, чтобы была связь между учебными заведениями.

— А как быть с этими изюминками учебных заведений? Может стоит некоторые из них поберечь?

— На выходе мы получим большую гроздь винограда. Вот как мы поступим с изюминками.

— Недавно в Казань на форум православной общественности приезжал известный протоиерей Всеволод Чаплин. Тогда он заявил о вашем проекте создать в России настоящий аналог египетскому университету Аль-Азхару. Расскажите об этом.

— На самом деле это пока только идея, и я её транслирую уже давно и рассказываю всем. Все сначала начинается с того, что у тебя появляется мысль, затем ты её транслируешь. Потом у тебя появляются те, кто поддерживает тебя. После этого ты приступаешь к реализации идеи.

Когда мы встречались в Москве с отцом Всеволодом [Чаплиным], мы долго общались на эту тему. Мы общались с другими религиозными деятелями: с Талгат-хазратом Таджуддином, например. Я пришёл к такому вопросу: "*Почему наша молодёжь уезжает за границу?*".

Потому что есть нехватка арабского языка. В частности, есть нехватка специалистов в знании Корана. Неужели наш великий народ, который первый в мире напечатал Коран, не может поднять свой уровень системы образования до международного? Ведь до революции только в Казани было напечатано 30 тысяч трудов по различным исламским наукам. Казань была кладёзем научного исламского мира. Конечно же, мы можем поднять образование. Для этого нужно будет привлечь учёных. Это нужно для того, чтобы у наших студентов не было нужды выезжать за границу за исламским образованием.

У каждой страны есть свой образовательный центр. Например, у Саудовской Аравии, у Египта, у Турции, у Ирана. Почему наша молодёжь должна быть проиранской, протурецкой, проарабской? Почему мы стесняемся своего понимания ислама? Ведь оно у нас уже сформировалось за тысячу лет. У нас есть своё развитие Ислама. Это всё нужно транслировать.

Да, мы нуждаемся в университете как в центре образования, ибо у страны нет какой-либо официально признанной идеологии. После развала Советского Союза стало непонятно, куда движется страна. Теперь эту идеологию заменяет религия. Поэтому мы не можем позволить, чтобы каждый, приезжая из другой страны, говорил от имени

религии и транслировал свои идеи нам, учил нас жизни. Это будет неправильно.

Значит мы должны развить свою концепцию Ислама. Наши имамы должны развиваться в традиционном для нас русле, в традиционном для мусульман Поволжья в частности.

— А где должен располагаться такой университет?

— Если в Москве, то это будет очень странно. Учиться православию в Москве - это логично. Но только не Исламу. Если Уфа, то тогда мы можем сказать, что в Казани кадров больше. Поэтому Уфа не совсем подходит.

Если Казань, то тогда нужно иметь в виду, что здесь для ученика есть много всяких соблазнов. Если назовём Казань, то тогда будут подняты вопросы: "*Почему не Москва и почему не Уфа?*". Но есть у нас общее место - Болгар.

Примеров городов-университетов в мире много, например Оксфорд. Почему бы Болгару не стать в будущем мусульманским Оксфордом-Аль-Азхаром?

Скажем, Пакистан сейчас поднимается на новый уровень. Создаёт свой исламский университет. Хотя их языку урду всего 200 лет. Это их совершенно новый язык, хотя может быть их культура очень старая. Но пакистанцы на этом новом языке смогли напечатать огромное количество книг на религиозную тематику. Их количество книг может сравниться с количеством книг на арабском и турецком языках.

Мы сможем создать свой университет, нужно только желание.

— *Перейдём к личным вопросам. Вам когда-нибудь доводилось приводить человека в Ислам? Если да, то как это было? Человек был какой-то другой религии или его предки были мусульманами?*

— Конечно, доводилось. Я очень рад этому. У меня было несколько случаев. Был случай, когда я стал причиной прихода в Ислам вообще атеиста. Это происходило в процессе долгого общения с ним.

Он мне сказал, что готов; сказал, что Ислам для него стал смыслом жизни. После этого он произнёс слова свидетельства - шахаду. К этому момент он уже многое знал о религии. Мы делились между собой литературой.

— *У этого атеиста какие были корни? Мусульманские, христианские?*

— Сам он был татарин, но убеждённым атеистом. Хотя это как-то странно, потому что он был из очень интеллигентной татарской семьи.

— ***А сколько Вам и ему тогда было лет? Вы были ровесниками?***

— Почти одного возраста.

— ***Расскажите о своём опыте, когда Вы были имамом мечети в Тюменской области. Эта часть Вашей биографии, к сожалению, почему-то остаётся незаметной и малоизвестной.***

— Это длилось около года. Когда я вернулся с учебы из Турции, меня туда пригласил муфтий Тюменской области Тагир-хазрат Саматов - сын Габделхака-хазрата Саматова, бывшего казья Татарстана.

— ***Как мечеть называлась?***

— Мы приехали в посёлок [Новоаганск](#) , рядом с городом [Радужный](#) - 200 км от [Нижневартовска](#)

. Это был "конец света" - все дороги кончались там (улыбается). Там была татарская махалля, было очень много татар. Были и представители других национальностей-мусульман.

Построили [мечеть](#) , сделали нужные документы. Мечеть была деревянной. Я провел месяц Рамазан и после этого уехал оттуда.

— ***А как вы строили мечеть? Был какой-нибудь сильный инвестор?***

— Мы ездили в Нижневартовск. Общались с одним бизнесменом-татариним. Тогда он нам "Камазами" на 1,2 млн рублей дерево прислал. Другие люди приносили гвозди. Ночами строили. Мусульмане Радужного тоже помогали. За три с половиной месяца мечеть была построена. Небольшая она была – 6x12 м. Мы её открыли на первый день Рамазана с участием муфтия Тагира-хазрата.

— ***У Вас с того времени, наверно, уже сложился образ "идеальной мечети"? Как мечеть должна функционировать?***

— Нужно, во-первых, определиться, что мы подразумеваем под словом "мечеть". Мы имеем в виду место для молитвы или мусульманский религиозный комплекс? Бывают маленькие мечети, куда люди только заходят. Помолились и выходят. Бывают большие мечети, как в нашем городе. В таких мечетях есть и столовые, и кухни, и организации какие-то размещаются.

— Расскажите о маленьких мечетях. Всё-таки у нас в Татарстане большинство именно маленьких мечетей. Такие мечети, как в посёлке Мирный, где Вы тоже были имамом, например

— Мечети у нас различаются. У каждой мечети есть что-то своё. Сразу вспоминаю [мечеть "Ярдэм"](#), который занимается незрячими. Есть [Закабанная мечеть](#), которая кормит сирот. Есть [мечеть "Гаиля"](#), которая постоянно проводит детские лагеря. Есть мечеть, куда в основном ходят пожилые люди - это мечеть в [поселке] Мирном и в [поселке] Караваево.

В Мирном так, потому что это частный сектор. Молодёжь обычно едет в город, где-то в центре Казани молится. А в Мирном остался костяк - пожилые. Такой же костяк есть в [мечети "Нурислам"](#), который располагается в Авиастроительном районе.

— Может ли значимость имама для прихожан быть выше того, что он для них имам?

— Раньше всегда так было. Он был не просто тем, кто во время молитвы становился впереди (с арабского языка "имам" переводится как "стоящий впереди" - прим.). Он тот, кто может выступить в качестве духовного наставника. Он тот, кто протянет руку в трудной ситуации. Тот, к кому можно прийти и излить свою душу. Тот, к кому можно прийти и отдать детей, чтобы они изучили азбуку Корана и азы Ислама.

— До революции у татар была распространена такая практика, что имам спокойно мог выступать в качестве табиба (с арабского "врач"), учителя, юриста...

— Тогда всё образование у татар проходило при мечетях. Раньше имам 20 лет мог учиться в Аль-Азхаре, вернуться в деревню и всю жизнь прожить там имамом. Самые образованные люди до революции - это имамы.

— Однако сегодня уже есть школы, есть больницы, есть юридические конторы. Круг деятельности имамов, можно сказать, сузился.

— Да. Сегодня светскости у нас очень много. Но людям всё равно не хватает религии. Всё равно они нуждаются в том, чтобы прийти к имаму и успокоить свою душу.

— Мы живём в глобализирующемся мире. Верующие теперь легко могут узнать о фетвах, которые принимаются в других мусульманских странах. Однако некоторые из них нам кажутся очень странными, хотя обосновываются на тех же

Коране и Сунне. В то же время фетвы принимаются в Татарстане. Скажите, как определить, какая фетва для верующих важнее?

— Есть мировые ученые, к мнению которых иногда стоит прислушаться. Есть азы Ислама, которые никогда не поменяются. Но есть свежие вопросы у мусульманских общин, которые появились только сейчас, только сегодня. На эти вопросы нужно дать некий ответ, основываясь на Коране и Сунне - фетву. Поэтому общины обращаются к учёным. Ученые должны это рассмотреть с точки зрения религии: запретное ли это, дозволенное или порицаемое.

Но есть такое правило. Муфтий, издающий фетву и дающий шариатское заключение, должен быть местным. Он же должен понимать людей и всю обстановку, которая есть в его местности. Трудно посоветовать, сидя в Казани, что-то Египту. Причём муфтий среди своей общины должен прожить не один месяц, а несколько лет. Он должен думать и быть как верующие его общины.

Поэтому у нас в Татарстане есть Совет ученых. Он помогает муфтию принять какое-либо решение, которое подготавливается на основе шариата. У нас также есть Совет старейшин - Шура аксакалов. Есть Совет казыев - мусульманских судей.

Кстати, в этом году казые получили сертификаты от Казанского федерального университета, прошли курсы медиации. Теперь они у нас не только религиозные судьи, но они ещё и медиаторы - люди, которые занимаются досудебным урегулированием.

— Какая фетва была принята в последний раз муфтием?

— Последнее, что мы объявляли о начале Рамазана, о Курбан-байраме, о суммах садака, которую можно дать в этот месяц. Это стандартная практика, которая всегда объявляется перед началом Рамазана. Совет учёных-улемов подсчитали сумму, а я как муфтий утвердил.

Беседовал Ярхамов Ильнур